

Abstract. In this work the author gives as examples a dynamic development of the main directions of German-Indian cooperation at the beginning of the 21st century: in politics, military area, economics, culture between both states. During globalization Germany and India possess potential and resources enough for the development their bilateral relations.

Key words: main directions of German-Indian cooperation at the beginning of the 21st century; German-Indian projects in political, economic, energy, cultural spheres; official visits and meetings of the German chancellor Angela Merkel and Indian premier-minister Manmohan Singh; perspectives of the development of bilateral German-Indian relations.

УДК 327(091)“20/21”

Каширина Т.В.

АМЕРИКАНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ «СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА» И АМЕРИКАНО-РОССИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ ХХ-ХХІ ВВ.*

Аннотация. В статье рассматривается концепция создания «нового мирового порядка», основанного на лидерстве США, ее изменения после террористической атаки 11 сентября 2001 года; показано влияние концепции на американо-российские отношения.

Ключевые слова: «упреждающие действия», «политика противораспространения», антитеррористическая коалиция.

В начале 1990-х гг. американские аналитики и политические деятели стремились глубже осмыслить итоги холодной войны с целью внести коррективы в международную стратегию США для определения устраивающего США устройства мира после холодной войны и пересмотра основы внешней политики США как единственной сверхдержавы.

В 1988 году президентом США был избран республиканец Дж. Буш (старший), выступивший в 1990 году с концепцией создания «нового мирового порядка». В довольно расплывчатой форме он сказал, что происходит рождение нового мира, отличного от того, который существовал и в котором вместо правовых норм действовал закон джунглей, мира, в котором государства признают, что все они несут ответственность за свободу и справедливость, мир, в котором уважаются права слабых [1].

На объединенной сессии Конгресса США 11 сентября 1990 года Дж.Буш объявил, что новая эра будет более свободной от угрозы террора, более безопасной и мирной, в его основе будет более последовательная борьба за справедливость [2]. По мнению американской администрации, новый мировой порядок уже существовал в Америке, поэтому государство процветало. Теперь этот порядок необходимо развить и расширить.

Более детально новая стратегия США была изложена в секретном документе Пентагона «Рекомендации для оборонного планирования» весной 1992 года, в котором говорилось, что США должны продемонстрировать способность к лидерству, чтобы защитить новый порядок и убедить потенциальных оппонентов не претендовать на более высокую роль и не прибегать к агрессивной политике.

В «Рекомендациях» подчеркивалась важность осуществления контроля над событиями в России, чтобы не позволить ей «вариться в собственном соку», так как она по-прежнему оставалась второй ядерной сверхдержавой [3].

Концепция «нового мирового порядка», сформулированная республиканскими стратегами и консервативными идеологами, оказалась непривлекательной для американцев, не желавших расширения внешнеполитической активности государства, что стало одной из причин поражения Буша на президентских выборах 1992 г. [4].

С окончанием периода некоторой растерянности, связанной со стремительным окончанием холодной войны и глобальными изменениями в мире, что выражалось в активных дебатах среди американских политиков и ученых, начали оформляться контуры новой внешнеполитической стратегии США.

Администрация президента Клинтона в июле 1994 года подготовила ежегодный официальный документ «Стратегия национальной безопасности», в котором, отказавшись от прежней стратегии «сдерживания», провозгласила стратегию «расширения» мирового сообщества «свободных рыночных демократических государств» [5]. По сути, прежние американские цели о расширении и укреплении лидерства были облечены в новую форму.

Победа Клинтона на президентских выбо-

* © Каширина Т.В.

рах 1996 года была расценена его администрацией, в частности, как национальное признание выдвинутой ею внешнеполитической стратегии США не только на конец XX века, но и на грядущее столетие. Стратегия расширения была оформлена в «Стратегию национальной безопасности в новом столетии» [6], в которой были изложены основы политики администрации Клинтона на второй срок президентства.

В «Стратегии» США подтверждали свое право на односторонние действия, она предусматривала широкомасштабное регулирование международных отношений на глобальном и региональных уровнях, в том числе в сферах влияния России. США не собирались отказываться ни от одной из заявленных целей, что окончательно развеивало надежды на то, что интересы России будут приниматься во внимание.

В «Стратегии» был существенно «понижен российский фактор». Россия из разряда «приоритетного государства» была переведена в разряд «одного из государств», с которым США придется иметь дело в ходе реализации глобальной стратегии. В документе Россия не была выделена в отдельное региональное направление американской политики, а рассматривалась как одно из новых независимых государств, отношения с которым объявлялись важными для европейской безопасности и бесконфликтного развития Европы. Предполагалось включить Россию, Украину и другие государства в новую систему европейской безопасности.

Политика США в странах СНГ и Балтии наделялась особым статусом. Объявлялось, что независимость, суверенитет и территориальная целостность, а также успех политических и экономических реформ в этих государствах представляли особую важность для американских интересов. Фактически страны СНГ объявлялись зоной жизненно важных интересов Соединенных Штатов.

Но расширение НАТО, бомбардировки Белграда силами НАТО в марте-июне 1999 года без согласования с ООН, свертывание программ сотрудничества НАТО и России в 1999-2000 гг. позволили вновь заговорить о кризисе в российско-американских отношениях, о наступлении «холодного мира». Приходилось признать и американской, и российской стороной неизбежность расхождения и столкновения интересов России и США и главенство национальных интересов над любыми формами партнерства с США.

К концу 90-х годов, через десять лет после прекращения холодной войны отношения между двумя бывшими противниками находились в неопределенном состоянии. Идеологический конфликт и геополитическое противостояние между Москвой и Вашингтоном ушли в прошлое. Но

стратегическое партнерство, провозглашенное Клинтонем и Ельциным в 1993 году, так и не состоялось. Это было связано с рядом субъективных и объективных причин.

С одной стороны, для стратегического партнерства США и России не хватало совпадения принципиальных интересов, которые обычно возникают у государств при наличии общего врага. Именно наличие общего противника на международной арене скрепило союз двух стран во Второй мировой войне.

С другой стороны, 90-е годы стали периодом беспрецедентно успешного экономического развития США и болезненного и глубокого кризиса в России, не имеющей реальной, продуманной стратегии экономических и политических реформ. В результате возник огромный разрыв в военных потенциалах двух государств, что предопределило асимметрию их положения в новой системе международных отношений. США, исторически претендуя на роль «единственной сверхдержавы», мирового лидера, не были готовы и не собирались признавать Москву равноправным партнером.

В ходе подготовки и проведения президентских выборов в 2000 году американские политологи отмечали, что будущая администрация должна продолжить начатую демократами политику укрепления глобального лидерства США, поскольку она наилучшим образом отвечает интересам Соединенных Штатов.

Либеральные стратеги, работавшие на демократическую администрацию, указывали, что в сложившейся к 2000 году относительно стабильной международной ситуации Соединенные Штаты могли более активно и полно воспользоваться своим уникальным положением, довершить демонтаж старого мирового порядка и сконструировать новый в соответствии с американскими идеалами и исторически сложившимися интересами [7].

Демократы высказали предложение, что такой важный международный институт, как Группа семи, должен быть расширен, и в нее следует включить Россию, Бразилию, Китай и Индию (имелось в виду реальное, а не формальное включение в нее Российской Федерации, которая считалась членом «политической восьмерки» с 1998 года).

Республиканские политики и консервативные аналитики вторили демократам, но в более категорической и амбициозной форме, уделив основное внимание военным вопросам и проблемам обеспечения безопасности [8].

Дж. У. Буш (младший), претендовавший на пост кандидата в президенты от Республиканской партии, выступил с программной речью по внешней политике 19 ноября 1999 года в Библиотеке Р. Рейгана в Калифорнии; 23 сентября 1999 года он

выступил с докладом по военной политике США. В своих выступлениях Дж. У. Буш заявил о сохранении внешнеполитической активности США и активном участии государства в международных делах. Сокращение международной активности Соединенных Штатов «чревато стагнацией Америки и неуправляемостью мира» [9].

Что касается России, то критика в ее адрес усилилась. Республиканцы объявили о готовности к новому противостоянию и сдерживанию России в зависимости от того, насколько взаимодействие с ней не будет противоречить американским интересам и планам реализации глобальной стратегии, и в зависимости от того, насколько Россия сможет «вписаться» в американскую политику [10].

Придя к власти, республиканская администрация сохранила в качестве основополагающего положения идею о том, что мир однополюсен, США – единственная сверхдержава, американские институты и ценности – самые передовые и наиболее привлекательные для других стран, желающих идти по пути прогресса и рыночной экономики. «Мы собрали лучшую в истории всех администраций команду по национальной безопасности» [11], – заявил президент Буш 4 марта 2001 года. Национальная безопасность была объявлена приоритетным элементом внешней политики американской администрации.

По отношению к России в официальных документах администрации Буша прослеживалась двойственная позиция. В первом доктринальном документе администрации – «Четырехгодичном оборонном обзоре», который был опубликован 1 октября 2001 г., но подготовлен в основном до событий 11 сентября, говорилось о сотрудничестве с Россией в военной сфере и сфере безопасности. Но в то же время отмечалось, что «в ряде вопросов Россия стремится к политическим целям, которые противоречат интересам США» [12].

Итак, на рубеже XX-XXI вв. складывалось впечатление, что у конструктивного взаимодействия двух стран на мировой арене нет будущего. Во всяком случае, именно такой взгляд превалировал в этот период и в Москве, и в Вашингтоне.

После террористического нападения на США 11 сентября 2001 года и объявления американцами войны международному терроризму ситуация в российско-американских отношениях изменилась. Телеобращение В.В. Путина к гражданам России от 24 сентября 2001 г., в котором было заявлено об участии России в антитеррористической операции, было встречено американским руководством с воодушевлением.

Со своей стороны, в Москве надеялись, что угроза новых атак террористов заставит Вашингтон отказаться от программы создания национальной ПРО (НПРО), которая в случае ее раз-

вертывания могла бы через 10-15 лет поставить под сомнение российский потенциал ядерного сдерживания. Но ожидания российской стороны не оправдались. В ноябре 2001 года американцы официально вышли из Договора ПРО 1972 года.

В свете произошедших событий 11 сентября американский и российский президенты подписали целый ряд совместных документов, развивавших стратегические отношения между двумя государствами.

Новые подходы во внешней политике нашли отражение в «Стратегии национальной безопасности США» от 20 сентября 2002 года. Основное внимание в «Стратегии» уделялось борьбе с терроризмом, в контексте которой подчеркивалось, что «в случае необходимости мы, используя право на самозащиту, **без колебаний будем действовать в одиночку и с упреждением против террористов** (выделено мной – Т.К.), чтобы не позволить им нанести урон нашему народу и нашей стране. США всегда сохраняли за собой возможность упреждающих действий при наличии достаточно серьезной угрозы национальной безопасности... – **даже если не вполне ясно, откуда и когда нужно ожидать вражеского удара.** (выделено мной – Т.К.) В интересах исключения и предотвращения такого удара противника США будут применять, если это необходимо, упреждающие действия [13].

В целом «Стратегия национальной безопасности США» 2002 г. рассматривает отношения с международным сообществом в контексте борьбы с терроризмом, ориентирует администрацию страны на проведение более динамичной внешней политики и взаимодействие с основными глобальными центрами силы, рассматривая Россию и Китай в качестве союзников США в борьбе с международным терроризмом. Ярким проявлением гегемонизма новой стратегии является стремление США действовать самостоятельно, без учета мнения международного сообщества; право на упреждающие (preemption) действия даже в случаях, когда неясно происхождение угрозы; политика нераспространения ОМП представлена как политика противораспространения (counterproliferation) ОМП, что предусматривает изъятие ОМП у «подозреваемых» стран. Эти положения идут в разрез с нормами международного права, нормами ООН, ОБСЕ, иницируют возможность нарушения суверенитета государств, утверждают право США решать международные проблемы при помощи военной силы.

После террористических преступлений 11 сентября сотрудничество в борьбе с терроризмом между Соединенными Штатами и Россией возросло.

Джордж Буш высоко оценил взаимодей-

твие с партнерами по антитеррористической коалиции. «В этот момент общая опасность стирает старые раздоры. Америка сотрудничает с Россией, Китаем и Индией так, как мы не сотрудничали никогда раньше, ради мира и процветания. В каждом регионе рыночная экономика, свобода торговли и открытое общество доказывают свою способность улучшить качество жизни. Вместе с друзьями и союзниками из Европы и Азии, Африки и Латинской Америки мы покажем, что силы террора не в силах остановить стремление к свободе» [14].

Анализируя послание Дж. Буша, можно сказать, что оно определяет новую реальность, начавшую складываться после распада СССР и окончательно оформившуюся после 11 сентября. Дело в том, что после трагедии 11 сентября психологический шок не позволил многим осознать стратегические выгоды нового положения США и вынудил их отвергать любые попытки трезвого анализа. Однако сегодня очевидно, что теракты не только способствовали мобилизации государства, повысили его эффективность, но усилили как политические, так и экономические позиции и притязания США.

США и Россия являются, бесспорно, ведущими участниками антитеррористической коалиции, созданной после 11 сентября 2001 г. Без российско-американского сотрудничества не удалось бы столь быстро и эффективно ликвидировать режим талибов и базы «Аль-Каиды» в Афганистане (тем самым была существенно снижена угроза со стороны исламского экстремизма южным рубежам СНГ). Новый дух российско-американского сотрудничества позволил Москве и Вашингтону заключить Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов, предусматривающий трехкратное сокращение их развернутых стратегических боезарядов в течение ближайших 10 лет. Сближение России с Западом и его лидером – США – дало возможность активизировать деятельность Совета Россия - НАТО, который призван стать, как это говорится в Декларации глав государств и правительств стран-членов НАТО и РФ от 28 мая 2002 г., «механизмом для консультаций, выработки консенсуса, сотрудничества, совместных решений и совместных действий России и государств-членов НАТО по широкому спектру вопросов безопасности в Евроатлантическом регионе» [15]. Не приходится сомневаться в том, что именно позиция, занятая Кремлем 11 сентября 2001 г., во многом способствовала решению США и Евросоюза о признании рыночного статуса российской экономики.

Подводя итог, необходимо отметить, что сотрудничество с Россией стало частью американской концепции нового «мирового порядка». С одной стороны, в «Стратегии национальной бе-

зопасности» Дж. Буша-мл. были определены новые сферы американо-российского сотрудничества. Это предполагало углубление и расширение взаимоотношений двух государств. Но, с другой стороны, США, став наиболее сильной державой, приступили к реализации своих интересов как таковых, предполагая в случае необходимости действовать в одиночку, применяя упреждающие удары, без какой-либо оглядки на интересы других государств и народов.

Таким образом, американский новый «мировой порядок», в основе которого лежит давнее стремление США к установлению однополярного мира, гегемонистские «великодержавные» интересы Соединенных Штатов, является логическим продолжением прежних американских внешнеполитических концепций, но в новых условиях.

Новыми условиями являются: во-первых, окончание холодной войны и распад СССР, что позволило США объявить себя единственным мировым лидером; во-вторых, террористическая атака 11 сентября, которая внесла определенные коррективы в американскую внешнюю политику, вынудив США сотрудничать в борьбе с терроризмом с ведущими государствами, включая Россию. Но, с другой стороны, эти события дали американскому государству как пострадавшей стороне своего рода аванс на проведение односторонних военных мероприятий в любой точке земного шара.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. President G. Bush. Toward a New World Order //U.S. Department of State Dispatch. – Vol. 1. №3 (September 17, 1990).
2. Georg Bush. Address Before Joint Session of the Congress. September 11, 1990 //Weekly Compilation of Presidential Documents. Vol. 26. № 37 (September 17, 1990).
3. Проект секретного документа Пентагона «1992 Defense Guidance» был опубликован после «утечки» в прессу: The New York Times. March 8, 1992.
4. White J. Still Seeing Red. How the Cold War Shapes the New American Politics. Boulder (Colo.), 1997. – P. 202.
5. Стратегия национальной безопасности США. //США-ЭПИ. 1995. № 1. С. 22; Лейк Э. Новая стратегия США: от «сдерживания» к «расширению» // США-ЭПИ. 1994. № 3; Maynes Ch. W. A Workable Clinton Doctrine. // Foreign Policy. 1993-1994 – Winter. № 93.
6. A National Security Strategy for a New Century / The White House. Wash., D.C., 1997 (May) / <http://www.whitehouse.gov>.
7. The 2000 Democratic National Platform: Prosperity, Progress and Peace. National Democratic Party Convention. Los Angeles. August 14-18, 2000 / <http://www.democrats.org>
8. Republican Platform 2000. Renewing America's Purpose. Together. Philadelphia, August 1-5, 2000 / <http://www.republicans.org>.
9. The Ottawa Citizen. 1999, November 26.
10. Republican Platform 2000. Renewing America's Pur-

- pose. Together. Philadelphia, August 1-5, 2000 / <http://www.republicans.org>.
11. Hatcheson G. U. S. National Security: The Bush Team// Electronic Journals of the U. S. Department of State./ <http://usinfo.state.gov>.
 12. Quadrennial Defense Review Report. Department of Defense, September 30, 2001. P. 4-5.
 13. The National Security Strategy of The United States of America. Washington, 2002.
 14. President Bush's State of the Union Address.-www.whitehouse.gov.
 15. Декларация глав государств и правительств стран - членов НАТО и РФ от 28 мая 2002 г. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003 /Под ред. Богату-

рова А.Д. – Т. 4. Документы. 1945-2003 / Сост. Е.Г. Капустян и др. – М., 2004. – С. 565-569.

T. Kashirina

THE AMERICAN CONCEPT OF «A MODERN WORLD ORDER» AND THE AMERICAN - RUSSIAN RELATIONS ON BOUNDARY XX-XXI CENTURIES

Abstract. In article the concept of creation of «the new world(global) order», based on leadership the USA, its changes after terrorist attack on September, 11, 2001 are considered; influence of the concept on the American - Russian relations is shown.

Key words: «preemption actions», «politics of counterproliferation», an antiterrorist coalition.

УДК: 327

Малышев О.С.

ДИНАМИКА ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XXI ВЕКЕ*

Аннотация. Исследуется вопрос влияния внешнеполитической концепции государства на вектор развития экономических отношений на примере трансатлантических отношений и динамика взаимоотношений США и ЕС в XXI веке.

Ключевые слова: ЕС и США, трансатлантические отношения, геоэкономика, динамика трансатлантических отношений в XXI веке.

Трансатлантические отношения, внешнеполитическая и внешнеэкономическая стратегия ЕС и США играют решающую роль в политическом и геоэкономическом распределении сил в мире. Популярная в кругах международных аналитиков точка зрения о взаимно стабилизирующем характере взаимодействия экономических и военно-политических факторов отношений США–Европейский Союз может оказаться опровергнутой, если военно-политический союз в трансатлантических отношениях будет становиться все более зависимым от торговых и финансовых конфликтов.

Экономические и военно-политические факторы в развитии трансатлантических отношений взаимодействуют сложным образом. Некоторые исследователи, к примеру, рассматривают группы давления, представляющие американский невоенный бизнес, с одной стороны, и военно-промышленный комплекс (включая государственный аппарат, отвечающий за национальную безопасность) с другой, как конкурирующие за влияние на внешнюю политику США, а не реализующие свои интересы совместно, на основе гармонично сочетающихся и взаимодополняющих це-

лей. Видный американский экономист И. Дестлер даже называет “группу интересов безопасности” (security complex) и “группу экономических интересов” (economic complex) двумя “конкурирующими субправительствами” [1, 26-42]. В этой статье рассматривается вариант влияния “комплекса безопасности” и “комплекса экономики” на принятие внешнеполитических решений в период двух президентских сроков Дж. Буша-младшего с 2000 по 2008 гг. В 2000-2004 годах к власти в США пришли “ястребы”, активно стремящиеся к мировой гегемонии США. Но сочетание таких событий, как катастрофическая война в Ираке, усиление военной и экономической мощи Азии и глубокая экономическая рецессия на Западе покончили с амбициями США на мировой арене и заставили вновь обратиться к трансатлантическому партнерству в рамках лоббирования “economic complex group”.

В начале XXI века трансатлантические отношения представляли собой любопытную смесь выгодного сотрудничества и нарастающего соперничества в различных областях политики, науки, экономики и даже культуры. По целому ряду вопросов позиции США и ЕС расходились: противоракетная оборона, химическое оружие, наземные мины, Киотский протокол. Плюс ко всему еще со времен Б. Клинтона оставались такие проблемы, как генетически измененные продукты, “банановая война”, стальной вопрос, а также санкции, наложенные на европейские инвестиционные компании, действующие на Кубе, в Сирии, Ливане и Иране [2, 37-38]. Даже несмотря на сближающие перед лицом общей угрозы международного терроризма события 11 сентября 2001 года, в Евро-

* © Малышев О.С.